

Сначала необходимо рассказать о событиях, которые произошли через два дня после описанной ночи.

Вечером на Уорика и Николаса напали ребята в чёрных костюмах. И хотя у Бенрии уже имелся подобный опыт, нужно отметить — в этом городе люди в чёрном занимались не бизнесом, а насилием. Что не являлось чем-то из ряда вон. Наши двое парней уделали их в их же собственной игре. Бенрия не носила галстуки, но их сильной стороной тоже являлось насилие. Уорик любил думать, что они в этом плане круче, потому что убивали с большей разумностью.

Люди в чёрном были вооружены. Они прекрасно знали, что означает трясти оружием, и не испытывали ни малейшего сомнения, когда спускали курок. Поэтому мастерам на все руки не оставалось ничего другого, кроме как прикончить их.

Нестрашно. Но оставалась одна проблема. Бросить несколько трупов валяться на земле — даже в таком сраном месте, как вечно воняющие переулки, — вообще не вариант. Уорик бы и внимания не обратил, но он с пониманием относился к борьбе за благоустройство города. Кроме того, в Эргастуле водился один старый пёс, чей нюх остро реагировал на запах пороха и крови.

Примерно через пять минут после стычки и две, как они закончили добивать нападавших, на старомодном седане объявился седеющий полицейский. Наполовину опустив стекло, он сразу перешёл на крик: «Опять вы, сопляки Бенрия, чёрт бы вас побрал! Тысячу раз говорил не устраивать бардак без разрешения! Сколько мне ещё, толстолобы, изображать заевший диктофон, чтобы вы это уяснили?»

Уорик и Николас знали Чада Адкинса, инспектора первого дивизиона Департамента криминальных расследований Центрального штаба полиции, с тех самых пор, как впервые попали в Эргастулум. Сейчас ему за пятьдесят, и они могли с уверенностью сказать, что он проработал в полиции не менее двадцати лет. А может, и больше. Живая иллюстрация нечистого на руку копа, который знал все способы выживания в этом городе. И который был для них с Николасом наставником, ещё когда они были детьми. Постоянно ворчащим и надоедливый.

Чад притормозил перед Уориком и Николасом, окинул взглядом трупы в заляпанных кровью костюмах.

— Лучше бы убили действительно проблемных подонков! Полиция вам не мусорные уборщики!

Николас изобразил страдальческое выражение лица так, чтобы Чад не заметил, и начал жаловаться, вяло жестикулируя руками.

«Мусорные уборщики со своей работой справляются получше него».

Чад повернулся к нему и погрозил кулаком.

— Заткнись, сопляк поганый!

«Да как ты с этого ракурса увидел, что я сказал?»

— А мне и видеть не нужно, чтобы знать, о чём думает такой сраный поганец! Чёрт возьми, если вы спутаетесь с мафией, хотя бы сообщите мне прежде, чем разбираться с ними!

Чад зажал зубами сигарету «Норе». Уорик щёлкнул своей Зиппо, просунул обе руки в салон

машины и дал прикурить.

— Знаешь, мы были уверены, что эти ребята просто излишне настырные продавцы пуль. Говоришь, их убийство — плохой знак?

— Мда. Даже хуже, чем ты думаешь.

— И что это должно означать?

— Они — члены Семьи Ломбарди. Точнее, её остатки.

Уорик покопался в памяти.

Семья Ломбарди.

— Они ведь больше походят на мелких хулиганов, чем на мафию. Эти ребята не выглядят как враги, которые могут доставить большие проблемы.

— Настоятельно не рекомендую сравнивать их с прочими слабаками. Эти ублюдки оптом толкали свой мерзкий товар даже крупным мафиозным Семьям. «Динамит» называется.

— Оу, торговцы оружием, значит.

Чад прикусил сигаретный фильтр зубами.

— Они продавали умирающих от сильной передозировки Меченых в комплекте с Церебре повышенной концентрации. Выдавали только апперы. Пользоваться проще некуда: накачиваешь Меченого наркотой и отправляешь этот самоубийственный подарок своему врагу. Вот что такое «динамит».

— Оу. И впрямь неприятно. У меня даже живот разболелся.

Существует два вида Церебре, предназначенных для использования. Первый — стимулирующий, антидепрессант (аппер). Второй — успокоительный, депрессант (донер). Антидепрессант временно улучшает физические способности Сумеречных и наделяет их дополнительной силой, но в то же время имеет ряд побочных эффектов. Чтобы увеличить продолжительность действия и минимизировать последствия, необходим депрессант. Поэтому, учитывая жизнеспособность Сумеречных, разумно применять оба вида Церебре одновременно.

Что случится, если стоящему одной ногой в могиле Меченому ввести увеличенную дозу антидепрессанта?

Нетрудно догадаться. Его физическая сила стремительно вырастет вместе с неизбежным, неконтролируемым безумием. А когда действие наркотика закончится, он буквально упадёт замертво. Одноразовое оружие массового уничтожения... Несомненно, результат будет напоминать последствия взрыва.

— Они не были организацией, которая нанимает Меченых, как Гильдия Полкли, например. Они использовали только одноразовый товар, так что это был выгодный бизнес: никаких тебе расходов на управление и администрирование. И многие готовы продать своих Меченых по хорошей цене, если они стали бесполезны.

— Ааа... — Уорик задумчиво коснулся своего подбородка. Пристально поглядев на Чада, он

снова переспросил шепотом.

— Так что ты подразумевал под остатками?

— То, что сказал. Не так давно Семья Ломбарди была уничтожена.

— Хреновое управление одним из «динамитов» привело к самоуничтожению? А вроде смыслённые ребята были, хехе.

— Нет, это исключено. Начать даже с того, как выглядело место преступления. Очевидно, на них устроили облаву. Кроме того, для «взрыва динамита» тела слишком прилично сохранились.

— Итого, эти ребята сделали всё, чтобы люди их ненавидели, так?

— Вопрос следующий: кто ненавидел их НАСТОЛЬКО сильно.

— Подозреваемые есть?

— Ну да, есть парочка. Вы двое.

Чад высунул руку из окна машины и указал концом сигареты на Уорика. Пепел приземлился на его ногу, запачкав ботинок.

— Вау. С чего это вдруг мы?

Уорик облокотился на крышу седана, балансируя на одной ноге, и стряхнул пепел с ботинка другой. Чад смахнул его руку со своей машины.

— Нападение совершила мелкая группа. Скорее всего, один или два человека. Со стороны Семьи Ломбарди было, так, для сравнения, пятнадцать или шестнадцать...

— О да, юнцы просто обожают сбиваться в стадо, хехе.

— Если не считать, что это стадо вырезали. Их тела не были изрешечены пулями, в них не стреляли. Такое может проверить только Меченый. Так мы можем существенно сузить список подозреваемых.

— Погодь, погодь! По твоей логике, каждый гребанный случай, где замешан Меченый, относится к нам. Так, выходит?

— Я не закончил. Семья Ломбарди перешла дорогу кому-то, кто не точит зуб на Меченых. Кому-то вроде вас. И еще зацепка: на телах обнаружены раны, нанесённые холодным оружием. Со всеми этими доказательствами даже наши желторотые стажёры додумают ассоциативный ряд без каких-либо проблем.

— Нам, походу, реально не везёт.

Уорик пожевал сигарету, запустив пальцы в свои волосы. Чад снова бросил долгий взгляд на трупы в переулке.

— Предположим, я куплюсь, что эти уцелевшие парни поверили слухам и явились отомстить вам. Однако это не отменяет того факта, что вы превратили членов Семьи Ломбарди в смердящие трупы.

— Забыл сказать «бывших членов».

— Мда. Остаётся только надеяться, что в сплетнях не забудут упомянуть это.

На самом деле Чад вряд ли всерьёз подозревал их — по крайней мере, Уорик так не считал. Тем не менее этого инцидента вполне достаточно, чтобы породить слухи.

Уорик закурил, глубоко затянулся дымом и спросил только:

— И что же мы можем сделать? Как доказать нашу невиновность?

— Меня не спрашивай. Я не в курсе.

— Да брось, Чад-сан. Мы знаем друг друга достаточно давно. Забудем формальности. Итак, твои условия? Одно слово, и мы станем сотрудничать как добропорядочные граждане, что бы ты ни попросил. Только говори уже.

— В этот раз не я решаю. Серьёзно. Тут скорее решает тот человек.

— Тот человек?

— Дэниэл Монро. Он желает видеть ваши рожи. Так что преданно виляйте хвостами перед ним, сопляки.

У Уорика от такой внезапности чуть сигарета не выпала изо рта: он не ожидал услышать это громкое имя.

Дэниэл Монро. Босс Семьи Монро и человек первого значения Эргастулума. Даже среди четырёх Больших Отцов, как их называли, держащих в своих руках особую власть, он имел невероятное влияние. Ни один из живущих в городе не мог позволить себе бросить ему вызов. Вдобавок, в прошлом Уорик и Николас принадлежали к его Семье.

— Зачем? Он обычно благосклонен к Меченым.

Этот человек был не из тех, кто станет жаловаться, если избавить город от парочки-другой бандитов, которые промышляют чем-то вроде омерзительного «динамита».

— Дело в том, что на Ломбарди масштаб проблемы не заканчивается.

— А вот теперь заинтриговал.

— Потому что на материалах дела стоит печать «секретно». Но, если хочешь знать моё мнение, завтра их осветят в вечерних новостях. В любом случае, пока дело не стало достоянием общественности, это всё, что я могу тебе сказать. Ну, удачно поиграть с лисицей.

Чад махнул рукой, словно отгоняя приставучую муху. Старомодный седан загудел, вернувшись к жизни, и отчалил.

Уорик помахал в ответ, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Имена четырёх Отцов не упоминали всуе. Они являли собой основу управляющей системы города, защищённой правилами. Такой город, как Эргастулум, весьма неустойчив. Можно сказать, он ежедневно балансирует над пропастью. И четыре столпа, которые поддерживают его — Отцы. Благодаря сосредоточенной в их руках силе Эргастулум смог существовать,

сохранив некое подобие баланса.

Однако произошло нечто внушительное, способное повлиять на фундаментальную составляющую города. Крайне утомительно принимать в этом участие, но, похоже, возможность остаться в стороне Бенрии никто не предоставит.

\*\*\*Предсказание Чада сбылось, и на следующий день в семи вечерних новостях осветили то, о чём он говорил.

Правда, Уорик и Николас их не смотрели.

Во-первых, потому что в их офисе не было телевизора.

А во-вторых, в это время они были заняты полученным от Дэниэла Монро приглашением на ужин.

Для дружеской беседы он выбрал роскошный итальянский ресторан, который принадлежал ему самому. Приятное освещение оранжевых оттенков вызывало аппетит, дополняя и без того великолепную кухню. Или должно было дополнять, но только полный безумец захочет набить пузо, когда его пригласил Дэниэл Монро. Для Уорика и Николаса он наставник, с которым сложились крепкие доверительные отношения, поэтому их положение несколько выгоднее. Но даже они не могли полностью побороть нервозность. Николас, сидящий напротив Уорика, пусть и был склонен к диким замашкам, но также осознавал своё место. Салфетка на его шее смотрелась совсем неуместно и напоминала собачий ошейник.

Монро согнул ломоть пиццы пополам и откусил кусок, как ребёнок, едва поспевая за растянувшейся ниточкой моцареллы. И между делом вещал, будто говорил о совершеннейшей ерунде.

— В новостях прямо сейчас говорят об этом. Четыре человека погибло на прошлых выходных.

Неизвестные прикончили мафиози. У них тот же *modus operandi*[1], что и в деле с устранением Семьи Ломбарди, и они уже добрались до капореджиме других известных мафиозных семей.

Уорик, касаясь бокала розового шампанского, спросил:

— У вашей группы тоже есть какие-то связи с Ломбарди?

— Был у нас один энтузиаст. Любил азартные игры. Ему сильно понадобились деньги, и он продал одного Сумеречного. Неловкая получилась ситуация. Сумеречные тоже считаются членами Семьи, и, если бы один из них умер незаслуженной смертью, мы бы выглядели не в лучшем свете.

— Вы вернули этого Сумеречного?

— Да, мирно выкупили обратно.

— Понятно. Ещё раз повторяю: у нас с ними нет ничего общего. Вообще ничего. Никакой вражды.

— И никакой любви, конечно же.

— Кроме всеобщей непредвзятой любви к этим беспокойным юнцам.

Монро вытер губы салфеткой.

— Проблема кроется не в команде юнцов, которые любят играть с огнём. Их просто раздавили. Дело в том, что случаи нападения на мафию, которые с них начались, на этом не заканчиваются.

Уорик испытал соблазн спросить, насколько это серьёзно, но придержал язык. Он не хотел попасться на том, что задаёт Монро дурацкие вопросы. Перед этим человеком он испытывал чувства, свойственные младшему сыну, который старается заслужить похвалу строгого отца. Вероятно, от этого ощущения следовало бы окончательно освободиться.

Если кто-то через эти убийства попытался добраться до членов Семьи Монро, шутки про охоту на мафию недопустимы. Четверо Больших Отцов — основа Эргастулума, и попытки покушения на них — табу.

Монро выглядел беззаботно, но тяжело вздохнул.

— Современная молодежь умна. Они читают Ницше в барах, и, когда достаточно умнеют, ты не можешь точно сказать, остались ли они глупцами в душе. Неправда ли?

— Другими словами, за этими убийствами кроется какой-то подвох, и вы пытаетесь узнать, какой именно. Верно?

— Нападение на нас не приведёт ни к чему хорошему. Если они всё же решились на подобное, значит должна быть какая-то выгода. «Нечто стоящее», что они с этого поимеют. И это выливается для нас в проблему.

— Боже ж ты мой, какая жуть. Я бы не стал такое проворачивать. Даже если бы знал, что это «нечто стоящее» — деньги или власть.

Монро улыбнулся.

— Кажется, вы всё же под подозрением?

— Просто некоторое недопонимание.

— Именно. Я совершенно уверен в вашем нейтралитете. Вы ни на чьей стороне. Просто ни Хайдеггеру, ни Ницше не объяснить вашу натуру. Более того, не важно, насколько человек развивает свой разум. В конце концов, реальный вес имеют лишь неопровержимые факты. И только которых ты можешь коснуться рукой.

Щека Уорика нервно дёрнулась, когда он выдавил улыбку.

— Нам рассматривать это как поручение?

— Так прозвучало?

Монро усмехнулся. Его ясные как у ребёнка глаза пристально смотрели прямо на Уорика. Почему у человека, который убивает так же легко, как дышит, и сам каждый день подвергается риску быть убитым, может быть такой ясный и незамутнённый взгляд? Уорик совершенно не понимал. Глаза этого человека легко заставляли верить, что не таят в себе никакой злобы к Бенрии. Но причиной тому служил тот факт, что для Монро они оба — славные бывшие подчинённые. И полезные пешки. Уорик не хотел давать Монро ответ,

который может подорвать его доверие к ним.

Уорик взял плохо гнущимися пальцами несколько солёных огурчиков и закинул себе в рот. Он боялся угадать их цену, но у этой суммы определённо немного больше нулей, чем у той, что он получил от Дарио. Какая жалость, но обстоятельства не позволяют насладиться ими в полной мере.

— Мы вам многим обязаны. И разумеется, мы приложим все усилия, чтобы оправдать ваши ожидания.

Теперь вопрос: чего именно хотел от них глава семьи Монро? Достаточно ли преподнести ему головы убийц мафии, перевязанные ленточкой, и букет цветов в подарок? Или следует сохранить им конечности и усадить за стол переговоров?

Пока Уорик пытался сообразить, какой из этих вариантов для Монро приемлемее, Николас, медленно уминающий пасту, отложил вилку в сторону.

— ВАШИ УСЛОВИЯ? — спросил он. Но не на языке жестов, а озвучив свой вопрос.

Николас не использовал жестов, когда обращался к Монро. У Бенрии тоже были определённые правила. Поскольку он не мог контролировать громкость и интонацию своего голоса, его речь звучала неестественно. Но именно поэтому можно с уверенностью сказать — Николас всегда был честен.

Монро мягко, по-доброму улыбнулся ему, как собаке, прильнувшей к ноге хозяина. Он положил недоеденный кусок пиццы на салфетку и встал из-за стола.

— У дешёвого мяса дрянной вкус, как его ни приготовь.

\*\*\*После встречи с Дэниэлом Монро казалось, что вся дорогая еда и вино испарились, так и не достигнув желудка, потому что живот Уорика остался абсолютно пустым. Вернувшись в офис Бенрии, он сделал один звонок — Дарио.

Когда они выпивали пару дней назад, Дарио всучил Уорику коробок спичек из отеля, в котором остановился. И хотя бесполезная вещь уже давно отправилась в мусорку, Уорик, к лучшему или нет, никогда ничего не забывал, если увидел однажды.

Сообщив работнику на ресепшене имя Дарио, он отложил трубку и закурил. Спустя пару минут он услышал на другом конце связи знакомый, неприятно громкий голос и снова взялся за телефон, чтобы пригласить Дарио где-нибудь перекусить.

Тот быстро согласился. Обозначив местом встречи дешёвый испанский бар, Уорик повесил трубку. Он сомневался, что Дарио так хорошо изучил город, но он наверняка что-нибудь придумает.

Затем Уорик переоделся, сменив приличную одежду на ту, что не жалко испачкать в крови. Помахав рукой Николасу, начавшему свою обычную мазохистскую тренировку, он покинул офис.

Когда он прибыл на место встречи, знакомый ярко-фиолетовый монстр уже был припаркован перед входом. Эта машина смотрелась неуместно абсолютно везде. Уорик криво улыбнулся этой мысли.

Дарио занял самые дальние от барной стойки места. Заметив Уорика, он поднял руку, радостно улыбаясь, будто воссоединился со старым товарищем.

Когда Уорик впервые услышал про убийства мафиози, первое, что всплыло в его памяти, — вот эта простодушная и легкомысленная физиономия. Без каких-то предпосылок. Он просто не мог сбросить со счетов этого парня. Пусть Дарио не знает, какой национальности Ницше, но сгоряча вполне способен направить ствол даже на Семью Монро.

К тому же, подозрительно уже то, что этот парень неместный и появился в городе совсем недавно. Как правило, Сумеречные не могли выжить за пределами Эргастулума, однако известны случаи, когда некоторым удавалось протянуть какое-то время за городскими воротами.

Для Сумеречных существовали правила, известные как Три Закона, которым они обязаны были следовать.

Первый гласит: нельзя умышленно причинять людям вред. Также недопустимо причинять вред, закрывая глаза на опасность и уничтожение баланса.

Второй обязывает подчиняться приказам своего нанимателя. Но только если они не противоречат первому Закону.

Третий позволяет Сумеречным защищать себя при условии соблюдения первого и второго Законов.

Среди этих правил приоритетным остаётся положение о балансе. Говорить о нём — всё равно что подразумевать Дэниэла Монро, одного из четырёх Больших Отцов.

Сумеречные могут безмерно превосходить Нормальных по силе, но в то же время зависят от них и Церебре, которое от них получают. Чем выше ранги Меченых, тем больше они осознают пропасть между их положениями. Поэтому в их интересах поддерживать и соблюдать Три Закона. Оборот Церебре и контроль с помощью него Сумеречных — главный бизнес мафии, поэтому убийства членов Семьи для Меченого просто верх глупости. Когда он попадётся — это лишь вопрос времени. Или когда его прикончат. Второе более вероятно.

Шансы у местных жителей заварить такую кашу ничтожно малы. За долгое время здравый смысл у них закрепился на уровне инстинктов. Но Дарио — новичок. Ничего удивительного, если ему вдруг не хватило этого здравого смысла.

Пряча все подозрения за лёгкой и простодушной улыбкой, Уорик прошёл к Дарио. Тот допил из бутылки остатки «Короны» и раскинул руки, словно ожидал обнимашек.

— На этот раз ты пригласил меня! Я польщён.

— Не доставил неудобств?

— Неа. Мне практически нечего делать круглый год. И я просто бесцельно гуляю целый день. А вы, парни, наоборот, выглядите очень занятыми.

Для человека, который обычно слоняется без всякой цели, у него слишком явно выделялись мешки под глазами. Уорик представился самый худший вариант, что мог скрываться за этой маленькой ложью. Правда, в случае такого парня могло быть множество и других версий. И действительно, Дарио потёр переносицу и серьёзно, без тени смущения пояснил: «Я смотрю

слишком много порнухи». Изображать из себя таинственную личность — не в его характере.

Уорик сел за стол и вместе с Дарио заказал «Old Parr». Из еды выбрал всё более-менее приличное, что было в баре: корнишоны, луковые кольца, паштет с апельсином, запечённую маринованную макрель.

После тоста Дарио склонил голову набок и, размешивая лёд в бокале прямо пальцем, поинтересовался:

— Дай подумать... где твоя вторая половина?

— На работе. По Нику, может, и не скажешь, но он тот ещё трудоголик.

Ничего страшного, что Уорик честно ответил про оставшегося тренироваться дома Николаса. Примешав к правде немного лжи, он оценивал реакцию Дарио, но не замечал ничего, на что рассчитывал. Тот не пытался поймать подозрительные взгляды посетителей или оглядеться в надежде встретиться глазами с Ником. Похоже, он принял слова Уорика за чистую монету. С таким уловки и хитрости бесполезны.

— Йохану-чан стало лучше?

— Ага, спасибо. Только он всё же на одну ночь остался в больнице.

— Тогда следовало взять его с собой.

— Нет, он ещё не до конца поправился. Отдыхает в нашей комнате.

— Всё так плохо?

— Можно не беспокоиться. Просто наша с тобой попойка быстро выйдет из-под контроля, а заставлять раненого человека пить как-то нехорошо.

— Но-но, в прошлый раз она вышла из-под контроля из-за тебя.

— Серьёзно? Ну, всё равно факт остаётся фактом, — ответил он, взмахнув стаканом с виски.

Уорик начал с корнишонов. В этом заведении они были весьма аппетитны, хотя и чересчур сладкие.

— Передай ему от меня, чтобы он лучше заботился о себе. Обоснованная просьба, если учесть, сколько наши партнеры доставляют нам хлопот.

Дарио уже прикончил половину двойного «Old Parr». Шумно выдохнув, он засмеялся.

— Йохан никогда не доставлял мне проблем.

— Его избили всего три дня назад.

— Это что теперь получается? Называть проблемой, если какие-то хулиганы выбрали тебя в качестве груши? В таком случае я их доставляю ему больше, чем vice-versa[2].

— Ааа. Часто влезаешь в драки?

— Не очень хорошо помню. Только шрамы появляются то тут, то там. Прежде, чем я замечаю.

— Чувак, ты вообще хоть ЧТО-ТО помнишь?

— Помню, что ты спас Йохана. Помню мой Фиат, лучший в мире автомобиль. Шикарная детка похвалила его.

— О да, брюнетка с длинными шелковистыми волосами и ногами от ушей, верно?

— Ага. А ты откуда знаешь?

— Потому что я всё это уже слышал.

Они говорили об этом несколько дней назад, когда выпивали вместе. И хотя Дарио был мертвецки пьян, и его рассказы походили на набор разрозненных слов, Уорик их запомнил.

— Всё так. В любом случае, она была прекрасной женщиной. С хорошим вкусом, между прочим. Она указала пальчиком и сказала: «Милашка».

— Милашка? Это ты-то?

— Идиот! Фиат, конечно! А потом, солнечным воскресеньем мы вместе нарисовали на капоте пса, который порвал свои цепи.

Дарио поднял пустой бокал и крикнул: «Мне повторить!».

Затем вставил в зубы «Garam» и похлопал по карманам.

— Спички забыл. Одолжи свои.

— Какой же ты забывчивый, чувак.

— Это то, в чём я хорош.

— Хей, ты не должен так говорить о себе.

Уорик выудил Зиппо из кармана, и Дарио придвинулся ближе. Освещение бара было тусклым, и на пару мгновений лицо низкорослого человека осветил мерцающий огонек. Уорик тоже закурил.

— Короче говоря, я запоминаю только действительно важные вещи. А забываю всё скучное и незначительное. Это же здорово, когда всё так просто, разве нет?

— Правда? Поставь себя на место того, кто вынужден слушать одну и ту же историю снова и снова. Это же невыносимо. Йохан-чану, должно быть, тяжело приходится.

— Одну и ту же? Что ты имеешь в виду?

— Как про твою машину, к примеру.

— А, мой Фиат. Лучшие колеса похвалила лучшая девушка. Я буду водить его всю жизнь. И рисунок пса просто замечательный.

— Почему пёс?

— Ха, тебе интересно? Стыдно, но «я не помню».

— Только не снова.

— Причина какая-нибудь дурацкая, точно. Гораздо важнее, что мы его рисовали вместе с самой лучшей девушкой. И рисовали на капоте: теперь как будто все значимые воспоминания всегда бегут передо мной.

Сигарета во рту Уорика дернулась.

— И правда, это великолепно. Она и впрямь была такой замечательной?

— Ага, абсолютно точно. Добрая, но с железной силой воли. И умная тоже. Не в плане учёбы, как я это упустил... каждое её слово было задорным и остроумным.

— И она похвалила тачку.

— Вот именно поэтому. Если ты не можешь понять её красоту, ничего не поделаешь. Но нормальный парень не станет врываться на чужой праздник жизни и оскорблять то, что нравится другим, верно?

— Извини. Я просто завидую тебе, с такой-то подружкой. Вот и решил подколоть немного.

— Я так и понял. Ладно, давай закажем ещё выпить. Хэй, повторите нам! Этот виски неплох.

— Постой, ты не слишком торопишься?

— У меня великолепное настроение. Я приехал в новый город и обзавёлся новым другом. Может ли выпивка быть вкуснее, чем в эту ночь?

Другом? Это огорошило Уорика, но протестовать он не стал.

Вместо этого тоже заказал новый стакан. Нельзя сказать, что манеры пьяного Дарио так уж хороши, но и то, что плохи — тоже не скажешь.

— Напомни-ка, как давно вы тут живёте?

— Ммм... неделю примерно. Что-то вроде того.

— И как тебе Эргастулум? Сильно отличается от Норт Гейта, а?

— Да вот думаю. Почти везде одно и то же: тупицы, вытворяющие всякую хрень, как только у них зачесется.

— Всякую хрень? Например?

— Не знаю, как всё это назвать. Общее впечатление, чувак, в нём всё дело. Они соревнуются, у кого шмотки или бухло дороже. Или ведут войну за территорию. А на деле, если приглядеться, — банальное писькомерство. Это я имел в виду.

— И Меченые тоже?

— Чего? При чём тут Меченые?

— Ни при чём. Просто ты не похож на тех, кто имеет предрассудки на их счёт.

— Парни, да мне вообще насрать, есть у них жетоны или нет. Но твой напарник неплохой.

— Рад слышать. И чем же он тебе понравился?

— Его глаза. Сам чёрт в этом взгляде. Хочу сказать — он реально хищник.

— Это правда. Ник ест за троих.

— Тупые парни давно сыты. Если кто-то рядом ест что-то вкусное, им тоже хочется попробовать. Но такой аппетит ничего не стоит. Если человек реально голоден, глаз от него уже не оторвать. Улавливаешь, о чем я?

— Смутно, но да.

Верно, Николас всё равно что голодное чудовище, жадное до крови. И до победы? Нет, не настолько. Его голод чище — он хочет только насилия.

Уорик закурил. Увидев это, Дарио тоже сунул в рот новую сигарету. Выдохнув дым, он широко улыбнулся.

— А вот насчёт тебя я не особо уверен.

— В чём?

— Голоден ты или уже наелся.

— Сам задаюсь этим вопросом. Чувствую, что готов съесть ещё один кусок Маргариты.

Убийца мафии — Дарио?

Если так, то он должен быть Сумеречным. Но на его шее не было жетонов. Существуют ли ещё те, кто их не носит? Нет, это невозможно. Жетоны слишком тесно связаны с Церебре. Избавиться от них — всё равно что совершить самоубийство. Это стало бы ещё более невероятной глупостью, чем покушение на баланс сил в городе.

В течение часа Дарио заметно наедался и продолжал пить ещё часа два.

Уорик не отставал, предчувствуя неизбежное похмелье.

Когда они вышли из бара, на улице заморосил дождь. Из-за изменения атмосферного давления и повышения влажности болел глаз под повязкой, поэтому Уорик догадывался, как менялась погода, даже будучи в шумном баре, где не слышен шум дождя.

Не в силах смотреть, как Дарио теряет равновесие и спотыкается на ровном месте, он подставил ему плечо.

Дарио должен скоро протрезветь, если усадить его поспать внутри ярко-фиолетового чудовища.

Пока Уорик пытался запихнуть Дарио в машину, припаркованную перед входом в бар, его нога соскользнула в грязь, оставив мокрый след на полосатых брюках.

— Эй, костюм мне не запачкай! — гаркнул он.

— Сам виноват — ты даже стоять не можешь. Будь человеком, в конце концов. Давай, сначала

шаг правой, потом шаг левой.

— Неа, не получается.

— Почему костюм такой большой и громоздкий?

— Отличный вкус, да?

— Чего?

— Даже девушка это признала, тогда, в прошлом.

— Она хвалила твой Фиат, а не тебя, помнишь?

— Да? Ну да, и мы обсуждали мой Фиат!

— А твой костюм?

— Не гони пургу. Он немного клёвый, только и всего. Ничто по сравнению с моим Фиатом.

— Тебе вроде должно быть не всё равно на эту грязь.

— Чего? Ты загадил мой Фиат, чувак?!

— Мы вообще-то про твой костюм говорим.

Уорику наконец удалось усадить вялого и спотыкающегося Дарио на водительское сидение. Из его нагрудного кармана выпала фотография.

— Эй, ты что-то уронил.

Уорик подобрал её и просканировал взглядом. Он увидел Йохана, чуть младше, чем сейчас, с девочкой лет тринадцати.

— А, да, извини.

Дарио очень бережно взял фотографию из рук Уорика и вернул в нагрудный карман.

— Это та девушка, что пела оды твоему Фиату?

Он спросил просто в шутку.

— Младш сесра моего бро.

— Оу. Но не твоя, выходит.

— У меня нет сестёр.

Дарио и Йохан были похожи, но они точно не кровные родственники. Так зачем Дарио хранит фотографию сестры своего мнимого братца?

Уорика съедало любопытство, но вряд ли удастся вытянуть из пьяного человека хоть что-то стоящее по этому вопросу.

Помедлив, Дарио положил обе руки на руль, склонил голову и тихо пробормотал:

— Воняет.

— Конечно, от тебя разит перегаром.

— Не, чем-то другим.

— Отличный нюх, пьянчуга.

Сзади раздался шорох автомобильных шин по мокрой дороге. Дешёвый чёрный седан объехал фиолетового монстра, развернул бампер на 90 градусов и перегородил проезд.

Внутри находились пять человек. С водительского и переднего пассажирского сиденья вышло двое мужчин, с заднего ряда — две женщины и ещё один мужчина. Все в костюмах, как на подбор утратившие индивидуальность вместе со своим седаном.

— Я, видать, не в курсе, что сегодня эту дорогу планировали перекрыть? — поинтересовался Уорик, пригладив мокрые от дождя волосы.

Ему не ответили, а просто достали оружие.

Уорик молниеносно распахнул дверь Фиата и, прикрываясь ею словно щитом, стал пятиться, увеличивая дистанцию. Люди в костюмах открыли огонь. Две пули пробили дверное стекло. Уорик не почувствовал боли — похоже, промазали.

Проскользив по мокрой земле, он спрятался за грязной бетонной стеной. Приготовив Кольт Говермент, выглянул из своего укрытия, чтобы оценить вражескую позицию.

Раздался дурацкий голос.

Дарио неуверенными шагами топал прямо навстречу человеку, который только что обстрелял его машину. Идеальная мишень, но нападавший, судя по ошеломлённому выражению лица, от шока внезапно забыл, как нажать на спусковой крючок.

— Эй. Из-за тебя я протрезвел. И мне это не нравится.

В самом деле, ни голос, ни ноги у него не дрогнули. Если не считать, что все его действия, — лишь последствия алкоголя.

— Ублюдок, ты что сделал?

Дарио заметил разбитое окно своего Фиата.

Нашёл время! Уорик цокнул языком. Стоп. А если Дарио просто не считает, что находится в опасности? Будь он Меченым, это бы многое объяснило. Николас на его месте бы точно не принял всерьёз пятерых Нормальных, нарывающихся на драку. И неважно, сколько у них пушек.

Всё же один из бандитов — женщина, стоящая чуть позади остальной группы, — видимо, вспомнил о своей миссии и взял Дарио на прицел. Но Уорик открыл огонь прежде, чем она успела спустить курок. Через несколько секунд её тело рухнуло на землю. Она думала, что выстрелила сама, даже когда на правом плече расплылось кровавое пятно. Из Уорика не самый лучший снайпер, по большей части из-за отсутствия левого глаза.

В любом случае, Дарио был в порядке. Однако ситуация стремительно менялась от плохого к

худшему. Ещё двое головорезов, вернув боевой настрой, нацелились на Дарио. Они использовали не огнестрел, а дубинки, которые как-то странно смотрелись с их костюмами. Дарио попытался достать свой Кольт Вудсман, висевший на поясе, но ни за что бы не успел сделать это вовремя.

Уорик собирался сменить укрытие, пока представился шанс, но внутренний голос — любопытство? — прошептал ему: «Разве не хочешь взглянуть, как Дарио выпутается из такой ситуации?»

Обернётся ли всё это странным турниром по быстрому рисованию? Или он увернется от пуль с помощью сверхчеловеческой способности? И то, и другое будет означать, что он Сумеречный.

Только подумав об этом, Уорик замер. Он просто не мог представить, чтобы у Дарио не было козыря в рукаве. Ведь он вёл себя как человек, напрочь лишённый инстинкта самосохранения.

Незамедлительно последовало четыре выстрела.

Каждый бандит выстрелил дважды. Дарио — ни разу. Он даже не сдвинулся с места. Три пули пролетели мимо, но четвёртая попала ему в бедро.

Он реально ничего не собирается делать?! Ты, должно быть, издеваешься, чёрт побери!

Дарио выронил Кольт Вудсмен и опустился на колени. Двое в костюмах тоже сползли на землю — Уорик нажал на курок. Он особо не прицеливался, но один из выстрелов пришёлся в цель. Не став проверять, в какую именно, Уорик выпрыгнул из своего укрытия. Не прекращая стрелять, он добрался до Дарио и обхватил его за пояс.

Хорошо, что тот мало весил — это облегчило задачу. Воспользовавшись моментом, Уорик утащил новоиспеченного друга в узкий переулок. И тут же на них обрушился шквал пуль, словно прорвало плотину. Одна задела плечо Бенрии. Рана неглубокая, но отдающая болью, лихорадочно пульсирующей под кожей. Сжав зубы, Уорик поднялся на ноги, выглянул из-за стены и сделал еще один выстрел, чтобы запугать противника. Горячая боль расходилась по всему плечу.

— Нога болит, — пожаловался Дарио.

— Будь я проклят, если мне не наплевать!

Он лежал на влажной земле, Уорик схватил его за затылок и потянул.

— Ну давай, трезвей, чувак, я серьёзно. Дарио, пожалуйста.

— Я уже не пьян. Но я везунчик, знаешь. После того что они сделали с моим Фиа...

— Слушай сюда, ты, конченный психопат, — Уорик прижал дуло пистолета к его груди. — Это тебе не баккара, и я не собираюсь доверять тебе мою жизнь вместе с деньгами. Отнесись серьёзно, если не хочешь откинуться.

— Я серьёзен как никогда, сказал же. Когда это я валял дурака?

Дарио пожал плечами, как обычно не обращая внимания на оружие возле груди.

Он что, действительно сейчас серьёзен?

Уорик не мог сказать. Но при каждом движении было видно, как напряжено его тело. Полоски на костюме Дарио потемнели там, где в бедро вошла пуля.

Разозлившись на его бесполезность, а может, на собственное несвоевременное любопытство, Уорик цокнул языком.

— Мраморные рукояти нынче в тренде?

— Мода не в числе моих хобби.

Как обычно, Дарио сохранял невозмутимость. Но его Кольт Вудсмен остался лежать прямо посреди перестрелки. И воспользоваться им они смогут явно не скоро. Они в меньшинстве и безоружны. При таком раскладе их положение становилось только хуже. Уорик хотел сматываться, но удирать с этим спотыкающимся фанатом мраморных рукоятей — очень плохая идея. Как тогда быть?

Пока он составлял в голове карту их окружения, где-то позади на фоне перестрелки раздались подозрительные звуки.

Дарио первым услышал их и окликнул Уорика по имени. Бенрия развернулся, направив пистолет туда, откуда кто-то приблизился. Это оказался человек с дубинкой. Раненое плечо болело. Уорик нажал на спусковой крючок. Дуло дрогнуло. Пуля со свистом вошла в бетонную стену. Второй раз выстрелить ему не удалось. Время странно замедлилось, и дубинка пришлось аккурат ему по лбу.

Мир словно окутал туман. Уорик снова попытался направить свой Кольт Говермент, но потерял сознание прежде, чем успел спустить курок.

\*\*\*Уорик не мог точно определить, сколько провёл в отключке. Вряд ли больше пятнадцати-двадцати минут.

Лежать, уткнувшись носом в бетонный пол, было неудобно, поэтому он заставил себя перевернуться.

Такое ощущение, что его перетащили в какой-то гараж со спёртым воздухом. В целом, просторное помещение, в котором можно припарковать четыре машины. Правда, машин здесь не наблюдалось. Внутри вообще было довольно пусто. Лишь несколько винных бутылок на полу да деревянные ящики вдоль стен. Вот и всё. Единственный выход — за гигантской, но хрупкой на вид металлической ставней. Ещё были окна, но таких малых размеров, что человеку через них не пролезть.

Уорика обступили трое бандитов в костюмах. Среди них — та самая женщина, которую ранил Уорик. Из пяти, что столкнулись с ним и Дарио, двоих подстрелили. Логично предположить, что один валяется в постели, а второй бродит снаружи, охраняя периметр.

Уорика связали по рукам и ногам, но рот ему не заткнули. Он этим воспользовался, выбрав одного из трёх, глядевших на него сверху вниз.

— Здесь курить можно? Если да, то я хочу, чтобы ты достал сигарету из моего кармана и дал мне прикурить.

Женщина с перевязанным плечом приблизилась, резко стуча каблуками.

— Я дам тебе кое-что поэффективней никотина.

Подошва её туфли наступила ему на скулу.

Глотая набравшуюся во рту кровь, он прикинул ситуацию.

“Они не убили его.

Самая простая и очевидная причина, по которой он им нужен, — сделать из него заложника против Николаса. Если четверо или пятеро Нормальных хотят заполучить Сумеречного, это неплохой вариант. Меченые напоминали зверей, но благодаря Церебре и обществу им удалось совладать с глубоко укоренившимся инстинктом. В худшем случае, если Уорик велит умереть, Николас убьет себя. Немыслимо, чтобы Ник позволил кому-либо заставить себя направить оружие на своего Нанимателя. Этого не случится, пока он в состоянии соображать. Факт в том, что ждать, пока придёт Николас и спасёт его будто девицу, попавшую в беду, так себе идея.

Усмехнувшись про себя, Уорик спросил:

— Что собираетесь теперь делать со мной?

Ему снова ответила женщина с перевязанным плечом.

— Используем весь твой потенциал, а затем прикончим. Иначе наши хлопоты не окупятся.

— Твой костюм настолько дорогой? Ох, зря я его попортил.

Женщина недовольно нахмурилась и пнула Уорика в живот. Она была худой, и удар вышел не очень сильным. Однако лоб Бенрии совсем недавно столкнулся с дубинкой, а простреленное плечо пульсировало от боли.

— Именно. Мне его купил один человек, который теперь уже ничего не сможет купить. Он всё время вульгарно смеялся и это действовало на нервы, но у него хватило таланта, чтобы стать капореджиме мафиозной Семьи. У него могло быть большое будущее.

Уорик помотал головой.

— Мы не убийцы мафии, которых вы ищете.

Этой женщине и её подручным, должно быть, здорово досталось. Похоже, слухи о том, что за этими убийствами стоит Бенрия, распространились гораздо шире, чем Уорик думал.

— В любом случае, нет сомнений, что вы преследовали выживших Семьи Ломбарди.

— Да они первыми набросились на нас. Без всякого предупреждения. Это было просто недопонимание. И вообще, мы сами охотимся за убийцами мафии.

— Неужели. Кто поддерживает вас? Чего вы пытаетесь добиться, нарушив городской баланс?

— Мы ничего не сделали. Клянусь. У нас нет сложных связей, которые нужно скрывать, и мы не пытаемся навредить Эргастулуму.

— Но при этом якшаетесь с подозрительным чужаком, пришедшим в город извне.

Она имела в виду Дарио. Если Уорик подтвердит её слова, будет ли у него шанс выйти из

такого щекотливого положения с миром? Но Дарио слаб. И Йохан такой же — позволил отмутузить себя слабакам-головорезам. Слишком шаткое основание, чтобы подозревать в них убийц мафии.

Поэтому Уорику оставалось только мотать головой.

— Нам просто довелось выпить вместе.

— А ещё довелось лишить меня средств на новый костюм, отправив моего человека в могилу.

— Да нет, не так. Я даже не знаю этого твоего человека. Разумеется, не я его убил.

В порядке ли Дарио? Осознав, что немного волнуется об этом парне, Уорик горько улыбнулся. Всё бы не обернулось так плачевно, если бы в первую очередь не этот идиот.

Уорик не думал, что дал ей новый повод, но женщина подошла и снова его пнула в живот.

Отплевываясь, она сказала:

— В любом случае. Ты всё равно мне давно не нравился. Наглец из Бенрии, играющий в семью с Жетоном. Какое лицемерие. Ты что думаешь, просто нежно погладил по головке, и Меченый сразу станет нормальным человеком?

Уорик лишь рассмеялся:

— А что именно значит быть нормальным человеком?

Не важно, что он скажет, — прямо сейчас его не убьют. Так Уорик думал. Какого бы ни были уровня эти ребята, мафия остаётся мафией. Вне всяких сомнений, они знали, как воспользоваться пленником.

— Тот, кто палит направо и налево без разбора, делает ложные предположения, кривит лицо как уродливая вяленая рыба и впадает в истерику из-за какого-то пятна на костюме... это нормальный человек?

Женщина бросила на Уорика убийственный взгляд, не стараясь скрыть своего гнева. Она неловко достала пистолет левой рукой.

— Я правша, но благодаря тебе пока не могу пользоваться правой рукой. Придется работать с тем, что имею. Я сделаю шесть выстрелов. Если какой-то из них попадет в тебя, что ж, без обид.

Она собиралась поиграть. Похоже, эта женщина была не такой уравновешенной, как надеялся Уорик. Потому что переговоры с истеричкой — это вам не прогулка в парке.

Уорик осознавал, что может умереть здесь. Как ни странно, подобная перспектива не сильно пугала. Но такую смерть он находил слишком глупой.

Женщина сняла пистолет с предохранителя.

В ту же секунду раздался оглушительный, похожий на взрыв грохот, и гаражные ворота разлетелись на куски.

Это был... не Николас.

Сначала появилась скалящаяся пасть нарисованного пса, а следом и остальной ярко-фиолетовый монстр. В мгновение ока помятый капот этой безвкусной машины протаранил стоящего рядом человека. Собачий оскал стал ещё шире. Безумный пес кинулся в сторону Уорика, сбив по дороге ещё одного мужчину. Колеса заделали деревянные ящики вдоль стены. Женщине каким-то образом удалось вовремя отскочить. Сквозь разбитое лобовое стекло Уорик встретился взглядом с улыбающимся Дарио. Один в один его зверюга на капоте. Связанный, Бенрия не мог двигаться. Машину занесло. Когда металл правого крыла заскользил по бетону, брызнули искры и застыли аккурат перед носом Уорика.

Деревянные ящики полетели вниз, с грохотом разбиваясь о землю. Шины оставили за собой чёрные следы торможения и запах жжёной резины. Дарио быстро распахнул дверь. Волна горячего воздуха обдала Уорика лицо.

— Йо, мой друг. Живой?

Лоб Дарио был в крови. Видимо, ударился о ветровое стекло и порезался осколками. Он выбрался из машины — или, скорее, неуклюже соскользнул с сиденья, — достал нож и разрезал верёвки, связывающие Уорика.

Бенрия выдавил улыбку.

— Почему ты здесь?

— Я же говорил, разве нет? Ты везунчик. Ты спас Йохана, как никак. Теперь мой черёд тебя спасать.

— Это, значит, ты помнишь, а.

— Важные вещи я не забываю.

— Меня из-за тебя повязали.

— Разве?

Раздался выстрел. Стреляла женщина, но, к несчастью для нее, траектория пули сместилась и нашла свою цель на капоте. Ровно между собачьих глаз. Дарио извлек Кольт Вудсмен, но не рассчитал и дернул слишком сильно — кольт выскользнул из рук. Уорик подхватил его с земли и открыл огонь.

Он особо не целился, однако на груди женщины выступила кровь. Решив, что своего добился, Уорик оставил всё как есть.

Залихватски прокрутив Вудсмен на указательном пальце, он вернул его Дарио. Тот засунул его обратно в кобуру на поясе и сполз вниз на холодный бетон — вся энергия куда-то испарилась.

— Везде болит. Это серьёзная рана, ты в курсе? Скорей уже вези меня в больницу.

— погоди секунду. Я себя окончательно добью.

Уорик достал сигарету. Дарио, продолжая лежать на полу, сделал то же самое. Бенрия прикурил им обоим.

Вместе с парнями пыхтел и ярко-фиолетовый монстр, выплёвывая клубы чёрного дыма. Похоже, его двигатель приказал долго жить.

— Жалко твой Фиат.

— А? Почему?

— Это была твоя большая драгоценность.

— Ну да.

Дарио посмотрел на неё и встретился взглядом с бесстрашным псом.

— Я уже забыл про это.

Уорик ненадолго закрыл глаза, вознося тихую молитву ярко-фиолетовому монстру и рисунку пса на нём. Закончив, он вынул изо рта сигарету и стряхнул пепел.

— Ты читал Ницше?

— Ницше? Это кто? Порно-звезда?

— Верно. Возбуждающая и пленяющая юные умы.

Убийцы мафии. Беспредельщики, нарушающие законы Эргастулума. Если серьёзно и рационально подумать — это порочные преступники с неизвестными связями и сторонниками.

Но если взглянуть на факты с точки зрения дурака, может статься, что это просто группа людей, убивающая тех, кто им не по нраву.

— Для пин-апа... как по мне, чем больше задница, тем лучше, — пробормотал Дарио.

— Извини, не знаю размер зада Ницше, — отозвался Уорик.

Пепел с сигареты упал Дарио на лицо, но тот так и остался лежать, распластавшись на полу, и лишь недовольно поморщился.

<http://tl.rulate.ru/book/90595/2911286>